

потребность "правил" для гения и чью точку зрения сам мыслитель разделял еще недавно: "Гений презирает всякие правила! Что делает гений, то и правило! Правила только стесняют таланты! Как будто гений может терпеть какое-нибудь стеснение! Не всякий ценитель искусства - талант, но всякий талант - по природе ценитель искусства. Он самый верный ценитель всех правил. Он понимает, усваивает себе и исполняет только те, которые выражают только его собственные воззрения. Стало быть, утверждать, что правила и критика могут стеснять гения - значит, другими словами, утверждать, что примеры и упражнение тоже имеют это свойство, - значит приписывать ему ограничиваться самим собою, - даже своими первыми опытами. Кто верно судит, тот и изобретает, а кто хочет изобретать, тот должен научиться рассуждать. Только тот, кто не способен ни к тому, ни к другому, думает, что это две разные вещи".

Показательно, что проблема "правил" так или иначе возникает в сознании Чехова в связи с опытом работы комедии. Первое упоминание Лессинга приходится на время создания комедии "Леший": "Не имея возможности писать роман, начал от скуки "Лешего". Выходит скучища вроде "Натана Мудрого". Позднее размышления о таланте и "правилах" возникнут в контексте комедии "Чайка".

Переписка Чехова доказывает, что он пристально изучает отечественный комедийный опыт, имеет свои пристрастия и предпочтения в нем, отлично ориентируется в классических текстах, зная многих из них почти наизусть. Чехов обыгрывает в переписке цитаты из разных мест комедий Грибоедова и Гоголя. Время от времени игровые цитаты меняются, "прокручиваются по несколько раз, чтобы вскоре смениться другими.

А. П. Комлев
Екатеринбург

УРАЛЬСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Первому изданию "Слова о полку Игореве", предпринятому в 1800 году, скоро исполнится 200 лет. Большая часть его тиража вместе с единственным изначальным списком сгинула при московском пожаре Отечественной войны 1812 года в доме владельца - графа А. И. Мусина-Пушкина. Среди немногих дошедших до нас экземпляров весьма примечателен находящийся в музее книги УрГУ. Он попал сюда в составе библиотеки Александровского (бывшего Царскосельского)

150

лица в 1920 году, когда по декрету Ленина организовывался Уральский университет. Согласно каталогу в собрании лицейской библиотеки эта книга и была единична. Наличие ее и значимость в данной библиотеке возможно связывать с тем, что первый директор лица В. Ф. Малиновский был родным братом одного из первых издателей "Слова" А. Ф. Малиновского. Не по ней ли именно узнавал впервые "Слово" Пушкин? И в последний год своего недолгого великого века Александр Сергеевич пришел к "Слову", собираясь его перевести и прокомментировать, но успел только набросать заметки.

То, что данная книжка наводит на мысли о Пушкине, естественно уже указывалось, но ведь и другие лицеисты более поздних выпусков, ставшие поэтами, причастными к "Слову", возможно, держали ее в руках, начинали свое приобщение с нее же. Михаил Данилович Деларю окончил Царскосельский лицей в 1829 году, а в 1839 опубликовал свой перевод "Слова", выполненный "поэтической мерною прозою или нашим гекзаметром". Это переложение Деларю было высоко оценено критикой и до настоящего времени издается в самых авторитетных антологиях переводов "Слова". Поэт Лев Александрович Мей окончил Царскосельский лицей в 1841 году, в посвящении своего перевода принцу Ольденбургскому он писал, что перевести "Слово" решил еще во время учебы в лицее, первоначальные отрывки были представлены им "на публичное испытание воспитанников в 1841 году". Завершенный перевод Мей напечатал в 1850 году в журнале "Москвитянин". Тогда же он работал над стихотворными драмами "Царская невеста" "Псковитянка" (где возможно ощутить и влияние "Слова"). Перевод Мей переиздавался и был популярен, но затем признан неудачным из-за своей нарочитой имитации стиха русских народных песен. Впрочем, чуткие его примечания к "Слову" упоминаются и нынче, да и в целом наследие этого замечательного недооцененного поэта, славно потрудившегося ради древнерусской и других славянских народных и национальных литератур, ожидает еще должного к себе внимания.

Немаловажны рукописные пометки на нашем экземпляре. В пору празднования 800-летия "Слова" на страницах областной печати эти записи ошибочно приписывались А. Ф. Малиновскому. По данному вопросу я обратился к покойному Л. А. Дмитриеву на конференции в Пушкинском Доме в декабре 1985 года, предъявив сигнальный экземпляр факсимильного издания. Лев Александрович, который изучал и публиковал архив Малиновского, ответил определенно, что здесь почерк "писарский". Могу только отметить, что, следовательно, сей

безымянный “писарь” со специфическим почерком был читателем серьезным и сведущим. Или эти краткие замечания внесены по указанию другого лица? Трудно представить.

В рецензии В. В. Кускова на нашу юбилейную книгу 1985 года сказано: “Прежде всего, обращает на себя внимание упомянутое воспроизведение первого издания. Этот экземпляр воспроизводится впервые, и он необычайно интересен и важен для текстологического изучения поэмы. Дело в том, что в его печатный текст почерком начала XIX века внесено, по подсчетам Р. П. Дмитриевой, 71 исправление, 16 из которых совпадают с известной Екатерининской копией рукописи “Слова”. Эти исправления касаются написания отдельных слов, пунктуации. Более того, текст поэмы разбит на 12 песен, что свидетельствует о попытке уже в начале XIX века решить проблему его композиции”.

Ю. В. Кондакова
Екатеринбург

ГДЕ ГОРЕ, ТАМ И СМЕХ

(к вопросу о поэтике инфернального у Н. В. Гоголя)

“Пара грех и смех “прозрачна” для христианства, устанавливающего меж ее членами твердое равенство и называющего и то и другое злом, - писал Л. В. Карасёв в своей работе “Философия смеха” (1995) (ср.: народные пословицы: Мал смех, да велик грех. Много смеха, да не мало и греха. В чем живет смех, в том и грех). Являясь антитезой слезам и благу, смех и зло родственны друг другу, проступая “в личине смеющегося дьявола, в ухмылках всех его двойников, заместителей и слуг: бесовский мир наполняется бесовским хохотом”.

В гоголевских произведениях смех часто связан с происками нечистой силы. Не случайно на деда, героя “Пропавшей грамоты”, попавшего в пекло, “несмотря на весь страх, смех напал”, а над ним в свою очередь потешается бесовщина: адские чудовища выскалили зубы и подняли такой смех, что у деда захолонуло”. Нечисть насмехается над героем “Заколдованного места”, неумеренно поминающего черта: “Вишь, сатанинское наваждение! впутается же Ирод, враг рода человеческого /.../ А, шельмовской сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! /.../ И в самом деле кто-то засмеялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего /.../ Вот куда затащила нечистая сила!”